Как мы собирались на свадьбу / рассказ

Category: Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Как мы собирались на свадьбу / рассказ КАК МЫ СОБИРАЛИСЬ НА СВАДЬБУ

(К 85-летнему юбилею писателя)

Господи, как вспомню тот день, мне становится не по себе…
Я надел серый брючный костюм, который еще со дня покупки висел в шифоньере, ожидая какого-нибудь торжественного случая. Завязывая на шею галстук, я сказал жене:
— Гульсанем, ты, давай, будь готова, когда я вернусь. Приготовь свои узелки для гостей, чтобы я тебя не ждал. Буду через час.
Я вышел на улицу. Добрался до конторы совхоза. Напомнил председателю рабочкома Турсынбаю его вчерашнее обещание — выделить мне машину.
— Ладно, езжайте, — сказал он. — Но будьте осторожны при въезде в район. Если помнишь, я вмешался недавно, когда хотели продырявить талон… Да и шофер наш — парень грубоватый.
— Ладно, ладно. Это ты про сына Айтымбета? Это же мой ученик, — ответил я, торопливо поглядывая на часы на моем левом запястье. Потому как я хотел успеть до того, как солнце запечет. — Ну всё, пока!
— Нет, не всё. Он пошел заправляться. Сейчас приедет.
Несмотря на то, что я спешил и нервничал, ровно через час и семнадцать минут наш «грубоватый парнишка» лихо подъехал к нам, оставляя после себя клубы пыли.
— Что это такое? Вы что там, топливо выкапывали? — огрызнулся на него Турсынбай.
— Нет, просто заправщика не было на месте. Мы его подобрали перед магазином пьяным в дупель и еле уговорили поехать на заправку.

— Получается, он со вчерашнего дня пьет без остановки?
Водитель пожал плечами, будто отвечая: «Не знаю».
— Отвезешь вот этого Оракбая в район. Вчера я говорил тебе об этом.
Айтымбетов сын, кивая на машину, жестом позвал меня за собой.
Машина стояла уже заведенная. Я сел в кабину. Все время дёргающаяся машина заехала в наш двор и неуклюже остановилась возле миски собаки, едва не придавив под колесами шестерых пестрых индюков, клюющих кусок недоеденного арбуза.
Я возмущенно посмотрел на шофера, а он и не взглянул на меня. Наоборот, задымил «Примой» и с недовольным видом тупо уставился вперед, будто притащил меня сюда на своем горбу. «Ну и ладно, что поделаешь. Не обижаться же на всех подряд. У каждого свой характер», — подумал я и крикнул на Гульсанем, которая с порога, высунув голову, улыбалась мне:
— Эй, неси мальчишку. Он поедет у меня на коленях, —сказал я, не вылезая из кабины.
Жена все возилась дома. Шофер посигналил и начал ворчать: — Это обычная ситуация, когда собираешься в дорогу с бабами!
Через некоторое время Гульсанем выскочила из дома, будто ее ужалила змея. Она была вся бледная. У меня мелькнула недобрая мысль: «Не дай бог она поругалась со свекровью». Потому что были слышны их громкие голоса. Что поделаешь? Она моя мать! И у нее очень острый язык. Иногда они ругаются между собой — свекровь и невестка. Но жена хотя бы могла уступить старушке по старшинству ее возраста. Но нет, у каждого из них своя правда.
— Нет! — сказала она, тупо глядя на меня. — Только что он был здесь, в радостном ожидании играл с кошкой. Я его даже приодела в новую одежду.
— Ищи! Ищи лучше, может, с соседскими детьми играет, — сказал я беззаботно.
Гульсанем побежала к соседям. В это время я вылез из кабины и пошел, не спеша зовя сына: «Жанабай! Ау, Жанабай!»
Спустя какое-то время вернулась Гульсанем, тяжело вздыхая:
— Нет его нигде. Словно улетучился! — выпалила она, словно скуля.

Услышав это, я сам чуть не побледнел.

Я прямиком побежал в сторону арыка, который протекал с восточной стороны нашего дома. Подбежал и вижу, как на солнышке на песке греется голая малышня, а часть ее плещется в воде.
С разбегу я взволнованно выпалил:
— Детки мои, вы не видели моего сына?
— Жанабая? Нет, он не приходил сюда, — ответил мальчик, ничком лежавший на песке. Это был сын Хожамбергена.
— Что же делать? Что же делать?! — крикнул я с досадой.
Все ребята вылупили на меня глаза…
Я мигом вернулся обратно. Подходил полдень.
— Нашелся?! — крикнул я собравшимся возле дома.
— Да что же это такое?! Нигде его нет! — ответили они перебивая друг друга.
— Как же быть?! Не дай бог он утонул…
— Что ты мелешь?! — перебила меня мать. —Типун тебе на язык!
Разве есть на свете бабушка, которая не любит своего внука. Она тоже не находила себе места:
— Ребенок только начал ходить. Вы думали, он будет спокойно сидеть на одном месте?!
Словом, мы перерыли все места в округе, все углы и закоулки. Я даже взобрался на крышу, чтобы посмотреть сверху окрестность. К нам присоединились и соседи, которые тоже обеспокоенно искали моего сынишку.
Где-то примерно через час мы полностью потеряли всю надежду найти сына. Соседи тоже стали расходиться по домам. Меня все время тревожил один вопрос: «Что, если он утонул?!» При этой мысли меня стали покидать силы… Как назло, Айтымбетов сын без конца сигналил. Как же?! Это же не его сын пропал!
— Ты езжай! — сказал я ему. Хватит тут сигналить и играть на нервах, когда мы взвинчены. Если найдется ребенок, мы сами как-нибудь пешком доберемся…
Тот будто ждал только этого, взялся за кривой рычаг, который почти касался его правого колена, и машина с грохотом тронулась с места. И ладно, если бы без потерь. При выезде со

двора она задела и сломала кол, к которому был привязан теленок. За это наш пес Сыртлан с громким недовольным лаем проводил его до конца улицы.

Полуживые мы все вернулись в юрту.
— Ух-х! Что же теперь делать? — сказал я, обращаясь к Гульсанем, застывшей на пороге. — Дай мне кружку холодной воды! У меня в горле пересохло.
— Какие же все-таки это проклятые люди! Приспичило же им именно сегодня играть свадьбу?! — подлила мать масла в огонь.
Мне стало не по себе. Я выплеснул воду в сторонку. Дело в том, что свадьбу в этот день играла родня Гульсанем. Моя мама обозвала «проклятыми» ее родную семью…
— Хватит обзывать мою родню, мама! Чуть что сразу лезете в душу.
— Это почему же я должна молчать?! — завелась моя мать. —Ты мне не указывай, что делать! Ты всего лишь его родила, а воспитанием занималась я. У меня спина разламывается от того, что все время носила его на спине. Вам ли воспитывать дитя… С утра исчезаешь из дома с сумочкой в руке. Тоже мне, горожанка!
— А что мне делать? Я же учительница. Кто вместо меня будет учить детей, мама?! Перестань меня унижать, соседи услышат!
— Ух ты, какая статусная! У тебя, значит, есть достоинство?! Да плевать мне на твоё положение в обществе!
— Мама, пожалуйста, прекрати. Сейчас он найдется, —вмешался я в разговор.
— Не мямли, сопляк! — крикнула она, угрожая мне указательным пальцем. — Если бы ты был пожестче, эта баба была бы другой! Понятно?! С тех пор как ты ушел утром, она ни на минуту не отошла от зеркала. Вместо этого могла бы уследить за единственным ребёнком. То одно платье наденет, то другое вытащит из шифоньера. А я думаю, когда все это закончится. Куда же ты так наряжаешься, аль замуж снова собралась?! Распушила волосы, будто хочет меня напугать! От этого приторного запаха, как его… у меня аж голова закружилась.
Она наклонилась на подушку, лежавшую рядом.
Несмотря на то что я был очень зол, я не выдержал и

расхохотался, услышав ее последние слова. В доме действительно все пропахло «Красной Москвой»…
— Ты что смеешься, идиот?! — привстала мама, недоуменно глядя на меня.
Из ее глаз посыпались искры. Я похолодел. В деревне все называли мою маму «языкастой». Оказывается, прозвища людям тоже дают не зря. А ведь у нее есть прекрасное имя — Хурлика.
После невестки она накинулась на меня:
— Ты знаешь, какой я была в возрасте этой женщины?!
— Как же мне знать об этом? — ответил я, скрывая улыбку.
— Так вот, если не знаешь, узнай, дорогой. Когда твой отец ушел в «батальон», ты был у меня в животе. От голода я оказалась на колхозном пшеничном поле в жару. Когда собирала колосья, у меня начались роды. Я отползла к яме и там разродилась. Никого рядом не было. Сама отрезала твою пуповину серпом. И в честь этого события назвала тебя Оракбаем (1). Чего я только не пережила в своей жизни… А отец твой с той самой поры ни слухом, ни духом… Поглядела бы я на твою женушку, как она днем собирает хлопок, не разгибая спины, а по ночам при свете тусклой керосиновой лампы чистит его от семян. Про мельницу и маслобойку я вообще молчу…
Не зная, что сказать, я уставился в пол и от нечего делать стал подбирать крохи хлеба и печенья с курпачи (2).
— Быстро встали и нашли мне моего внука! —процедила мать сквозь зубы. — И попробуйте только не найти его. Я вам покажу кузькину мать! Ты посмотри на них, как они ведут себя, словно ничего особенного не произошло!
Я устало выполз из дома. Ноги как свинцовые. Гульсанем молча поплелась за мной.
— Куда мы пойдем? — сказала она озадаченно, когда мы отошли от дома на приличное расстояние.
— Даже не знаю. Лишь бы он не пошёл купаться в речку и не утонул.
Гульсанем прослезилась…

В такие моменты невозможно найти слов, чтобы успокоить человека. Мы, глядя под ноги, друг за другом зашагали по

тропинке, ведущей к арыку. На ней смешалось много следов: и тех, кто шел туда, и тех, кто обратно… Я разглядел среди них маленький след, остановился и подозвал жену:
— Посмотри, не его ли?
Она опустилась на корточки и стала долго и внимательно разглядывать детский след.
— Вроде похож, но я же его обула в сандалии. Неужели, он их снял… — сказала она задумчиво, вставая с места.
Когда мы подошли к речке, там уже никого не было. Купавшиеся здесь дети давно разошлись по домам. На том месте, где они соорудили каток в воде, переливаясь синеватым оттенком, блестели остатки мелкой рыбьей чешуи. А под единственным жынгылом (3) со сломанными ветками, который рос рядом, на газете «Жеткиншек» (4) лежало пол-лепёшки с узором от тикеша (5)… Увидев лепешку, я вспомнил слова мамы о том, как она родила меня на пшеничном поле, собирая колосья… Понятно, что мама недолюбливает Гульсанем. Мать предлагала мне жениться на дочери ее троюродной сестры по линии отца — Абадан, которая жила в Четвёртом ауле (так люди называли эту деревню, хотя она давно уже превратилась в совхоз). Таким образом, мать хотела разбавить нашу генетику. Помню, тогда я учился на третьем курсе института. Как-то на летних каникулах, чтобы успокоить мать, я съездил в Четвертый аул, чтобы посмотреть на эту самую Абадан. В тот же день, на моё счастье, в колхозном клубе показывали фильм «Цветок в пыли», на который вместе с подружками прискакала, как коза, и Абадан. Они уселись прямо возле меня. После того как я поздоровался с ней еще до начала фильма, я молча ждал окончания. Мне было стыдно флиртовать с ней в незнакомом ауле перед всеми.
Как только закончилось кино, я вышел раньше всех, укрылся в тени белых тополей у дороги и стал поджидать Абадан. Жду. Уже стали докучать комары. И тут, когда я, наконец, в толпе разглядел Абадан, она отделилась от девчат и с ней поравнялся какой-то парень в белой рубашке, белых брюках и даже в белых туфлях. Из-за ночного звука репродуктора, стоявшего над навесом клуба, я не расслышал, о чем говорили эти двое. Они шли в мою сторону. Я спрятался. Пройдя мимо меня, он укрылись

в тени. Сначала послышался кокетливый смех Абадан, а потом – их смачные поцелуи. Я выскочил из укрытия и выплюнул: – Да пошла она, эта Абадан, куда подальше! – и пошел своей дорогой. Так я прошел семь верст ночью, пешком, чтобы добраться до дома. Мать еще не заснула, она сидела за веретеном.
– Ну как? Жива-здорова семья Абадан? – спросила она.
– Не надо, – ответил я, не смея посмотреть матери в глаза.
– Что не надо?!
– Просто не надо!
– Хочешь сказать, что она простая? Посмотрю, как ты женишься на непростой образованной девушке. То же мне нашел причину!
Я молча собрался лечь спать.

…С началом сентября я снова приударил за Гульсанем, которая училась со мной на одном курсе. Пообещал ей достать луну с неба и быть ее покорным рабом. Бедняжка, она еще на первом курсе влюбилась в меня по уши. Сам виноват. Как-то я решил проверить ее чувства ко мне и на новогоднем вечере пригласил на танец Лену – русскую девушку, которая работала телефонисткой на почте. С тех пор Гульсанем возненавидела меня до смерти. Я, конечно, понимал, что она так ревновала меня, но не до такой же степени. По сути, зачем ревновать? Было бы за что? У Лены был свой парень красавчик-Сережка, который во многом превосходил меня. Словом, тогда я понял, что любовь состоит из одних только переживаний и страданий…

Тяжело вздыхая, я поймал себя на мысли, что глубоко задумался. На поверхности воды плескались веточки. Мне не давала покоя тревожная мысль: «Неужели, все-таки сына унесло течением?»
– Почему мы стоим?
Я обернулся, за моей спиной стояла Гульсанем. Из-за суматохи я даже забыл, что она находилась рядом, а ведь мы от самого дома шли вместе.
– Да, почему мы стоим? Ты, давай, поищи среди кукурузы. Возможно, он побежал за соседскими детьми и заснул по дороге. Я схожу к насосу в конце арыка.
Я спешно шел по тропинке вдоль арыка, не отрывая глаз от

течения. Когда дошел до кустарников жигилдика (6), где был водоворот, я встретил Хожамберген ага (7), который стоял, засучив штаны по колено.
— Что с тобой, на тебе нет лица? — спросил он, чувствуя что-то неладное во мне.
— Пока ничего, — ответил я.
Я уткнулся в землю, кончиком обуви рисуя узоры на песке. Затянулась неловкая пауза. И он первым заговорил:
— Там за домом девять гектаров кукурузы. Открыл туда воду, — сказал он и с силой воткнул лопату в землю, что послышался хруст. Затем приготовился положить в рот насвай (8) из-под бутылочки пенициллина.
— К черту кукурузу, у меня сын пропал. Нигде его нет. Мы готовились поехать на свадьбу к брату моей жены Гульсанем. Хотели сына взять с собой. Где мы только не искали. Я с полудня ищу его. Как бы он не упал в воду!
— Не может быть, — сказал тот, краем лопаты отдирая кусочки прилипшей глины, застывшей на его волосистой ноге. —И куда же ты теперь идешь?!
— К насосу!
—К насосу?! — удивился тот, тоже побледнев. — Давай тогда вместе.
Мы подошли к насосу, разделись и вошли в воду. В этом месте она была по горло, а кое-где и вовсе можно было уйти с головой под воду. Ныряя, ногами и руками мы шарили под водой.
— Только что нога коснулась чего-то мягкого, — сказал Хожамберген ага, высовывая голову после долгого поиска.
От страха у меня сердце ушло в пятки. Он с шумом снова плюхнулся под воду. На этот раз вместо головы показалась его рука, державшая что-то чёрное, которое он выбросил на берег. «Неужели это он?» С этим вопросом я кинулся на берег. Подбежал и смотрю — то была старая фуфайка, перевязанная в двух местах алюминиевой проволокой. Мы с Хожамберген ага развязали ее. В фуфайку была завёрнута бутылка шампанского. И, видимо, она была полная. Хожамберген ага открыл пробку, понюхал и сморщил нос:
— Это же бензин. Запах аж просочился в мои легкие. Наверное,

это оставили экскаваторщики, – сказал он, обратно закрывая пробку. – Братишка, давай вернёмся. Мне кажется, жив твой сынишка и не тонул он в воде. – И стал натягивать на себя рубашку.
Когда мы вернулись на то место, где купались дети, Гульсанем сидела и плакала.
– Не плачь, невестка, не каркай на себя. Это плохая примета. Возможно, он уже нашелся в деревне. Пойдемте, – сказал он и первым зашагал домой.

Солнце клонилось к западу.
Мы тоже поплелись за ним.
Издалека мы увидели силуэт моей матери. Она смотрела в нашу строну, опираясь на длинную палку, которой размешивали горящую золу в тандыре (9).
– Его нет в ауле! –сказала она, когда мы подошли ближе. – С тех пор как вы ушли, я обошла все соседские дома и огороды. Всех расспросила.
Гульсанем задержалась возле мойки под ивой во дворе.
Мы с мамой вошли в юрту, где вовсю хозяйничали куры. Я молча замахнулся на них. Одна из куриц, кудахтая и подпрыгивая, уронила черный кумган с водой. В очаге зашипели горячие угли, как только они оказались под водой. Да, видимо, именно про такие случаи в народе говорят: «Чтоб твой очаг залило водой».
– Ту, ту, ту! Чтоб вам пусто было! Что же они тут натворили?! – крикнула мать.
Поскольку обратная сторона юрты была открыта, некоторые куры бросились бежать через щели.
– Сладенький ты мой. – всхлипнула мать. – А ведь он только начал говорить внятно, – посмотрела она на меня вопросительно: «Вдруг он спрятался в углу юрты?»
– Нет его, мама, – сказал я.
Мать безмолвно согнулась вдвое, прижимая к груди подушку.
Чтобы не видеть это ее печальное состояние, я ушел в дальнюю комнату, чтобы переодеться.
Я только собрался обратно повесить в шифоньер брючный костюм и со злостью широко раскрыл его полуоткрытые двери. Потянулся за

вешалкой и застыл в шоке. Среди одежды на полу шифоньера мирно посапывал мой сынишка, которого мы искали весь день. В его руке была зажата откушенная печенька. И он был не один. Рядом спала его любимая кошечка… Быстро натянув на себя полосатую пижаму, напоминавшую больничную одежду, я выбежал на улицу.
— Мама! Гульсанем! Гляньте сюда!!
Гульсанем все еще была во дворе.
— Чего тебе? — сказала она недовольно с заплаканным и опухшим от слез лицом.
— Позови мать, она в юрте!
Мать, услышав меня, вышла сама.
Я привел их в дальнюю комнату и кивнул на открытую дверь шифоньера, где спал Жанабай. В это время проснулась кошка, потянулась, зевнула и, виляя хвостом, стала прижиматься к моим ногам.
Увидев сына, Гульсанем сильно прижала его к груди. Тот, оказывается, вспотел.
—Хм-м, ты был все это время здесь! — сказала мать удивлённо, ставя ладонь козырьком, чтобы в темной комнате разглядеть внука. — Ах, ты, собака! Ты же все перевернул вверх дном, щенок! Тьфу на тебя, чтоб не сглазить. Пусть жизнь твоя будет долгой и счастливой…
— Шуу (10), — пролепетал на своем языке Жанабай, толкая маму в грудь, как только увидел ее, воркующую как голубка над ним.
Он даже не взглянул на меня и бросился в объятия бабушки.
— Бабушка, пить хочу, — снова попросил он.
— Ты хочешь пить, солнышко моё? Счастье моё. Ну-ка лезь ко мне на спинку.
Мать, кряхтя и охая, поплелась с внуком на спине на улицу.
А мы с Гульсанем смотрели друг на друга и улыбались…

Узакбай ПИРЖАНОВ (1937—2020),
(Узбекистан).

Перевод Лиры Пиржановой.

• **Примечания**

1. Орак – серп.
2. Курпача – ватный матрас для сиденья.
3. Жынгыл – кустарник, тамариск.
4. Жеткиншек – детская газета вроде «Пионерской правды».
5. Тикеш – этим деревянным предметом с железными прутьями прокалывали лепешки, придавая им узоры, перед тем, как отправить их в тандыр – печь.
6. Жигилдик – лох восточный (дерево-кустарник), узколистный; мелкие плоды джиды.
7. Ага – уважительное имя.
8. Насвай – некурительное табачное изделие.
9. Тандыр – печь-жаровня, мангал особого шарообразного вида для приготовления разнообразной пищи у народов Азии.
10. Шуу-(суу) – вода на каракалпакском.